

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

pashkov@petrsu.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПЕТРОВСКОЙ СЛОБОДЕ: ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ПЕТРОЗАВОДСКА

Исследуется малоизученная проблема роли старообрядцев в истории Петровских заводов и возникшего при них поселка, известного как Петровская слобода, в первые десятилетия XVIII века. Цель исследования – показать, что уже тогда старообрядцы составляли значительную часть постоянного населения Петровской слободы. В качестве аргумента использованы данные об истории старейших кладбищ Петровской слободы, приведенные в исторических источниках и свидетельствах краеведов конца XIX века. Сделан вывод о том, что в первые десятилетия существования Петровских заводов в окрестностях Петровской слободы возникло два кладбища – для сторонников официального православия и для старообрядцев. Старообрядческое кладбище существовало на месте современного пересечения проспекта Карла Маркса и улиц Кирова и Куйбышева. Оно было заброшено уже к концу XVIII века. Однако сам факт его существования говорит о том, что в первые десятилетия существования Петровской слободы там проживало большое количество старообрядцев. Этот факт позволяет углубить представление о том, почему именно в Петровской слободе в 1723 году состоялось такое знаменитое событие в истории старообрядчества, как публичный диспут представителя Синода иеромонаха Неофита с посланцами выговских старообрядцев Мануилом Петровым и Иваном Матвеевым.

Ключевые слова: Петровская слобода, старообрядчество, старообрядческое кладбище, Петрозаводск

Для цитирования: Пашков А. М. Старообрядческое кладбище в Петровской слободе: из ранней истории Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.376

ВВЕДЕНИЕ

В конце августа 1703 года на месте впадения реки Лососинки в Онежское озеро был основан Петровский пушечный завод. Рядом с заводом возникло поселение, известное как Петровская слобода. В условиях Северной войны численность населения слободы быстро росла. Там жили заводские мастеровые, солдаты гарнизонного батальона, охранявшего заводы, инженеры и офицеры, чиновники и торговцы и т. д. В 1717 году в Петровской слободе было уже 158 жилых домов «государева строения», то есть принадлежавших государству, и 398 частных домов. В своих домах проживало 189 «оружейных кузнецов» и 77 семейных солдат гарнизона. Другой документ, относящийся примерно к 1718–1719 годам, дает другие цифры: 151 казенных и 420 частных дворов, в которых проживало 2748 человек (1030 «людей, служащих на заводе», 697 – их жены и 1021 – их дети). Перепись населения (ревизия) 1723 года показывает, что большая часть населения слободы имела стаж заводской работы от полугода до 5 лет, хотя были и такие, кто отработал на заводе от 10 до 20 лет. В слободе при заводе проживали на временном положении (по 2–3 месяца) и приписанные к заводу крестьяне («уездные люди»). В одном из доку-

ментов, относящихся к 1717–1719 годам, указана их численность – 779 человек. Таким образом, в период своего расцвета (1714–1721 годы) население Петровской слободы достигало 3,5 тысячи человек [16: 406–407].

Особенностью Олонецкого уезда во второй половине XVII – середине XIX века была принадлежность значительной части местного населения к старообрядчеству. Именно здесь в 1694 году был основан один из крупнейших общероссийских центров старообрядцев поморского согласия (умеренное крыло беспоповского направления старообрядчества) – Выговская пустынь¹, получившая в 1702 году после знаменитой реплики царя Петра I «Пускай живут!» (см.: [1: 113]) легальный статус. Петр I проводил в отношении выговских старообрядцев политику веротерпимости, обусловленную тем, что репрессии и гонения могли спровоцировать их бегство и в условиях Северной войны поставить под угрозу бесперебойную работу Олонецких Петровских заводов. В конце августа – начале сентября 1703 года Петр I послал А. Д. Меншикова руководить постройкой новых металлургических заводов на территории Олонецкого уезда². А. Д. Меншиков прибыл в Заонежье, на Усть-рецкий завод (ведущее предприятие заводов

А. Бутенанта), и оттуда направил указ выговским старообрядцам. Содержание этого указа И. Филиппов передает так:

«Слышно Его императорскому величеству, что живут для староверства разных городов собравшиеся в Выговской пустыни, а службу свою отправляют к Богу по старопечатным книгам. А ныне Его императорскому величеству для войны Шветской и для умножения оружия и всяких воинских материалов ставятся двою железные заводы, а одне близ их Выговской пустыни, и чтоб оные в работы к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, а за то Императорское величество даде им свободу жити в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправляти» [15: 114].

Ознакомившись с указом А. Д. Меншикова, выговцы составили на его имя челобитную с согласием на их приписку к заводам в обмен на свободу вероисповедания, которую доставили на Усть-рецкий завод. А. Д. Меншиков переслал выговскую челобитную Петру I, который одобрил этот компромисс. Вскоре А. Д. Меншиков направил на Выг новый указ, «чтоб быть ведомым Выгорецким пустынножителям к Повенецким заводам в рудосыскательстве и в подъеме; а в вере быти свободным по прошению их» [15: 114]. Ставка властей на привлечение старообрядцев к развитию горнозаводской промышленности Олонецкого края полностью оправдала себя. Известный историк старообрядчества С. А. Зеньковский высоко оценивал вклад старообрядцев в развитие Олонецких Петровских заводов [3: 606–609].

Второй предпосылкой веротерпимости властей к старообрядцам была их ведущая роль в снабжении зерном Петербурга³. Инициатором этой торговой операции был выговский настоятель Андрей Денисов. И. Филиппов писал:

«...и нача <Андрей Денисов> у добрых людей на торг и с половины денег просити: добрые же люди денег ему на торг даяху, он же, своих людей избрав, и начати посылати в низовые города хлеба покупати и в Санкт-Петербург ставити, и видеша людие такую их нужду, а в торге правду, начаша им давати денег в торг, и бысть сперва торг малой...; в то время на Вытегре распространяхуся хлебные торги и судовые промыслы, и бысть на Вытегре велия судовая пристань в Вянгах..., начаша хлеб торговые в Питербурх ставити через Вытегру, то бысть во время Шветской войны, как заводился Питер... Также же и общежити построиша суда новоманерные и на старых ово⁴ свой покупной, а ово под извозом промышляюще, яко же прочии, и от того бываша велия помощь и пособие братству...» [15: 133].

Наконец, нужно принять во внимание, что выговскому настоятелю Андрею Денисову удалось выстроить отношения со многими представителями местных и центральных властей так, что они покровительствовали выговцам. Выговцев поддерживал начальник Олонецких Петровских заводов в 1713–1722 годах В. И. Геннин. В 1718 году Петр I прислал на Петровский завод «к начальнику заводскому иноземцу Вилиму Ген-

нину» указ об аресте нескольких видных выговцев. Когда один из них, Данила Викулин, приехал на Петровский завод и был арестован («и оного Даниила взяша за караул и посадиша в приказ»), выговцам удалось уговорить В. И. Геннина написать царю письмо с просьбой о его освобождении. О дальнейшем развитии событий И. Филиппов писал:

«Но в то время, что сотвори Бог удивлению достойно: с Петровских заводов начальник заводской иноземец Виллим, написав отписку милостивцу... в Москву к Его императорскому величеству и посла со отпискою своего денщика, да монастырского с ним брата Никифора Семенова, и приехав оные в Москву» [15: 143].

Петр I в это время был занят делом царевича Алексея, и никто из приближенных не решался передать ему письмо В. И. Геннина. Наконец, удалось передать его через руководителя Тайной канцелярии А. И. Ушакова. Петр I ознакомился с просьбой В. И. Геннина, но обещал дать ответ в Новгороде. По прибытии в Новгород Петр о письме В. И. Геннина не вспомнил, но по дороге из Новгорода в Петербург неожиданно,

«призвав писаря, повеле написать на завод указ к заводскому начальнику, чтобы оного пустынного Даниила Викулова из-под караула спустить на свободу в свою пустыню, о том ни о чем не розыскивать, и подписал своею рукою наскоре, и приказа своего из сержант Преображенского полку сержанта и, дав ему указ, велел ему ехать на заводы наскоре, на почты день и ночь и отдати указ» [15: 143].

Когда в последние годы жизни Петр I стал ездить на Марциальные воды (1719, 1720, 1722 и 1724 годы), выговцам удалось напрямую выйти на контакты с царем. Обратимся вновь к сочинению И. Филиппова:

«...и в то же время вельми Петровские железные заводы распространяхуся, ибо Императорское величество первый Петр часто на Петровские заводы для досмотру оружия и к водам ездяше. Помянутые же настоятели Даниил и Андрей по совету с братьями и Суземских старостою и с выборными всегда посылающе своих посланных с письмами и с гостинцами к Его императорскому величеству, с живыми и стреляными оленями, и со птицами, ово коней серых пару, и ово быков больших погнаша ему, и являхуся и письма подаваху. И Императорское величество все у них милостиво и весело принимаше, и письма их вслух всем читаша, хотя в то время от кого со стороны и клеветы быша, он же к тому не внимаша» [15: 133–134].

Используя такое толерантное к себе отношение власти, старообрядцы «на Петровских заводах и на Вытегре свои постоянные хоромы и амбары построиша и своих людей держаша для торгу и приезду своих» [15: 134].

В силу всех перечисленных причин старообрядчество пользовалось огромным влиянием в Олонецком уезде, многие крестьяне Олонецкого уезда и первые жители Петровской слободы были старообрядцами. Когда в 1703 году был основан Петровский завод на реке Лососинке,

возникла проблема рабочих кадров. Одним из источников пополнения рабочей силы было местное население, которое издавна занималось железоделательным промыслом. В 1705 году олонецкий вице-комендант А. С. Чоглоков взял из рекрутского набора 100 человек и направил их на заводы «в научение» оружейному мастерству. Кроме того, еще 20 человек были направлены в качестве подмастерьев к мастерам по изготовлению оружейных стволов [1: 76]. Из рекрутского набора 1708 года на заводы было взято еще 160 человек [1: 76]. К 1708 году до 300 рекрутов поступило на заводы в качестве учеников [1: 77]. Указ Петра I от 1 марта 1719 года предписывал набрать из местного населения «на Петровские заводы и в науку к оружейным и прочим делам» 300 человек [1: 78]. Учитывая большое влияние старообрядчества на жителей Олонецкого погоста, можно предположить, что немало старообрядцев стали жителями Петровской слободы уже в первые 15–20 лет ее существования. Нельзя исключить и того, что старообрядцы имелись и среди 110 тульских и 34 павловских оружейников и около 224 посадских кузнецов, присланных на Петровские заводы «с женами и с детьми» из городов Центральной России [1: 94]. Уже в 1710 году на Петровском заводе работали 506 русских работников [1: 140].

Когда была построена первая церковь Петровской слободы – Петропавловский собор (а произошло это, судя по всему, в 1703–1705 годах), священником туда был определен «вдовый поп» Иосиф из села Дединова Коломенского уезда. Оказавшись в старообрядческой среде, он вскоре был вынужден начать письменную полемику со старообрядцами. Е. М. Юхименко приводит данные о том, что в 1706–1708 годах он направлял три письменных послания в Выговскую пустынь [17: 48–55].

Именно на Петровских заводах в 1723 году состоялось знаменитое «разглагольствование» – диспут посланца Синода иеромонаха Неофита с представителями выговских старообрядцев Мануилом Петровым и Иваном Матвеевым [15: 155–170].

Естественно, что за 20 лет существования какая-то часть первоначального населения Петровской слободы вымерла. Умерших первоначально хоронили в самой Петровской слободе рядом с первыми церквями – Петропавловской и Святодуховской. Так, именно у Святодуховской церкви в 1726 году был похоронен первый петрозаводский святой Фаддей Блаженный. Но обе церкви находились внутри Петровской слободы, и очень быстро мест для захоронений там не осталось, возникли два новых кладбища за пределами слободы. Одно из них – Троицкое за рекой Лососинкой (отсюда второе название – Зарецкое) – было основано около 1724 года. Там была построена деревянная Троицкая часовня,

которая в 1800 году была разобрана из-за ветхости.

Другое городское кладбище приблизительно в это же время было создано к западу от Петровской слободы, на месте современного пересечения проспекта Карла Маркса и улиц Кирова и Куйбышева. Когда в 1773–1774 годах началось строительство Александровского пушечного завода в пойме реки Лососинки и возник новый городской центр – Круглая площадь, это кладбище оказалось в непосредственной близости от нового завода и между двумя городскими центрами: старым – Соборной площадью и новым – Круглой площадью. По плану начальника заводов А. С. Ярцова предполагалось застроить территорию между этими двумя площадями домами горных офицеров и чиновников. Будущая улица получила название Нагорная линия (ныне проспект Карла Маркса). Поскольку кладбище мешало этим планам, его было решено снести, тем более что в период упадка Петровской слободы, длившегося с 1734 по 1755 год, ее население сократилось, и можно предположить, что новых захоронений там не производилось или производилось очень мало.

Летом 1774 года Канцелярия Олонецких Петровских заводов приняла решение ликвидировать это кладбище:

«Имея рассуждение, что как ныне... новостроящийся пушечный завод за помощью Божиею к желаемому совершенству поспевает, а к тому и назначенные против оного для житья штаб- и обер-офицерам линии строением ко окончанию ж приходят, а как же на самой той линии да и вплоть подле старого заводского жила состоит усопших кладбище с необыкновенно построенными над могилами деревянными наподобие чуланчиков будками, да при том же имеется часовня, которая по объявлению здешнего священника построена без всякого дозволения, в таком случае канцелярия за нужное находит таковое для усопших кладбище назначить в другом способном месте, а оное, прежнее, по сломании вышесказанных чуланчиков заровнять. Приказали: к его преосвященству <епископу> олонецкому и каргопольскому сообщить и требовать, чтоб его преосвященство благоволил в рассуждении такого близкого к строению кладбища, которое непременно все по апробованному о тех новых линиях плану займется под показанное строение, как те будочки сломать и землею заровнять, так и часовенку перенести на другое место...»⁵

Традиция создания над могилами усопших символических сооружений с двухсторонней крышей – домовин или голбцов (еще их называют «намогильные домики») существовала на Руси с древнейших времен. Постепенно эти сооружения упрощались и превращались в резные деревянные кресты или столбики с двумя причелинами (досками) наподобие двускатной крыши. В «Словаре» В. И. Даля голбец обозначен так: «Могильный памятник, срубом, с крышей, будкой, домиком; ныне они запрещены; зовут так и всякий памятник, особенно крест с кровелькой». Православная церковь боролась с этими

сооружениями, в конце концов они были запрещены, со временем эта традиция была утрачена и сохранилась только у старообрядцев, особенно на Русском Севере. Первый исследователь этих памятников, архитектор В. В. Суслов, посетивший Карелию в 1888 году, писал о таких сооружениях как о «намогильных раскольничьих памятниках»:

«Последние имеют вид красиво обработанных столбиков, в верхней части которых, под большими выступами двускатных крышечек, находятся различных форм крестики и образочки. Столбики покрыты изящною пестрою резьбою и раскрашены различными тонами»⁶.

Он же отмечал, что все эти «намогильные раскольничьи памятники» были сделаны «в Кеми исключительно одним мастером из раскольников, чтимым между ними – Зосимою»⁷.

В начале XX века состоялось несколько экспедиций в Карелию для изучения традиционной культуры старообрядчества. Известный знаток в этой области Ф. А. Каликин сделал ряд фотографий старообрядческих намогильных памятников в Повенецком уезде, хранящихся сейчас в Российском этнографическом музее:

«Намогильные памятники: деревянные гробницы – надмогильные деревянные строения (в 7 венцов) под двускатной самцовой крышей на старообрядческих кладбищах в с. Лекса, д. Тагозеро. Основной тип намогильных памятников, представленных на фотоснимках Каликина, – это столбики с двускатной кровлей (с. Слобода, Лекса, Данилово, д. Тагозеро), на фронтоне которых помещались резные кресты или же прямоугольные доски с изображением восьмиконечного Голгофского креста» [12: 99] (см. также рис. 1).

Рис. 1. Гробницы в Тагозере. Фото Ф. А. Каликина. Из книги М. В. Красовского «Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество» (Пг., 1916)

В те же годы на Севере побывали художники И. Я. Билибин и В. А. Плотников. Оба обратили внимание на старообрядческие голбцы и запечатлели их на своих картинах (см. рис. 2, 3). Исследователь деревянной архитектуры М. В. Красовский так описывает эти намогильные сооружения:

«...нельзя не сказать несколько слов о надгробиях и могильных крестах, толпящихся за этими оградами. Конечно, самые древние из дошедших до нас деревянных надгробий не могут быть старше конца XVII, начала XVIII столетия, но в этой области, более чем где-либо, должна сказаться приверженность русских людей придерживаться стародавних традиций и, следовательно, ставить над могилами своих отцов такие же надгробия, какие ставили прадеды над могилами своих отцов.

Древний стиль надгробий сохранил свою чистоту дольше всего на севере, где в Архангельской и Олонецкой губерниях старообрядцы и до сих пор во многом придерживаются древних обычаев и часто ставят на своих погостах надгробия по старинным образцам.

Хотя такие надгробия бесконечно разнообразны по деталям, но по основным чертам композиции они могут быть разделены на три главные группы, а именно: на «гробницы», на «срубцы» и на «намогильнички», или «намогильные столбики». Первые представляли собой, в сущности, часовни, то есть небольшие, квадратные или прямоугольные в плане срубы, покрытые двускатными крышами, тесовые коньки которых увенчивались иногда луковичными главками и крестами, а фронтоны украшались порезками. Стены рубились из бревен или брусьев с углами в «лапу», или с «остатком», причем стены, параллельные коньку крыши, делались иногда внизу с откосами, как, например, у одной гробницы на погосте села Тихвин-Бора Олонецкой губернии. В гробнице всегда устраивалась дверь, а иногда небольшие оконца; внутри по стенам размещались полки для икон и крестов и лавка, на которой можно было присесть, чтобы, не утомляясь, подольше побыть в гостях у дорогого покойника. Идея сооружения такого типа надгробий вытекала, вероятно, с одной стороны, из желания оградить могильные холмики от осквернения их животными, случайно попадавшими в ограды погостов, а также от зарастания их травой и кустами, или от размывания их дождевой водой; с другой стороны, идея этих надгробий могла зародиться еще в глубокой древности, на почве языческих верований в необходимость пристанища для души покойника, в которое его родственники приносили пищу и питье...

Аналогичными гробницами по идее и по форме являлись «срубцы», так как они отличались от первых только размерами, являясь как бы плотно пригнанным футляром для могильного холмика. В самом деле, это были прямоугольные ящики, сколоченные из теса или срубленные из брусьев, над двускатной крышкой которых ставились кресты. Иногда кресты ставили за срубцем – в головах могилы, а в противоположном фронтончике прорезали небольшое квадратное отверстие, очевидно, имевшее лишь символическое значение, связанное с упомянутыми выше верованиями, так как никакого практического смысла оно, конечно, иметь не могло.

Наконец, «намогильнички» представляли собой иногда очень богато украшенные стойки, к верху которых прикреплялись доски с вырезанными на них крестами, окруженными священными текстами, датами и именами усопших. Для предохранения этих досок от дождя и снега поверх них устраивались двускатные тесовые крышки, украшенные иногда резными подзорами, спускавшимися часто до земли, как, например, у одного намогильного столбика 1866 года, находящегося на старообрядческом кладбище села Данилово. Несколько иную композицию верха имеют некоторые намогильнички другого старообрядческого кладбища с. Лумбуша Олонецкой губернии; у них над стойками помещены двухсторонние, нередко большого размера, киоты, прикрытые двускатными крышками более пологими, нежели у предыдущего типа»⁸ (см. рис. 4).

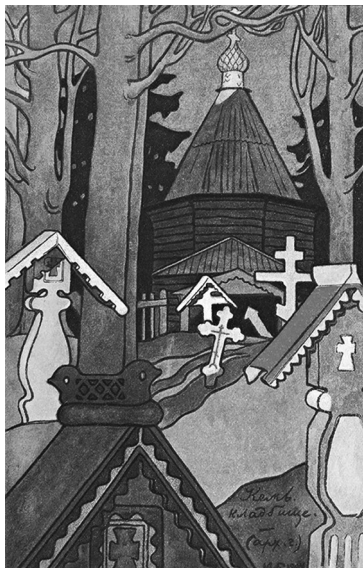

Рис. 2 Билибин И. Я. Кемь. Кладбище (Архангельская губерния), 1904. Открытка

Рис. 3 Плотников В. А. Старообрядческое кладбище. Кемь. 1906. Акварель. Из фондов Российского этнографического музея. Санкт-Петербург

Рис. 4 «Намогильные столбики». Село Данилово. Фото Ф. А. Каликина. Из книги М. В. Красовского «Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество» (Пг., 1916)

Современный специалист по деревянному зодчеству П. П. Медведев выделяет два наиболее распространенных вида сохранившихся до наших дней некрокультовых памятников: 1) «намогильные домики» – «домовины» и «ящики», «ванны» или «погребальные урны» и 2) «намогильные столбики» [8: 99]. Он же отмечает, что «сохранению и долговому существованию, а также широкому распространению и творческому развитию» некрокультовых сооружений («намогильных домиков») Беломорского Поморья «несомненно содействовали старообрядческие традиции» [9: 209].

На известном плане Петровской слободы полковника М. Виттвера, созданном в 1720-е годы⁹, к западу от жилых построек вдоль левого берега реки Лососинки отмечены, но не обозначены какие-то строения, которые, как можно предположить, были некрокультовыми сооружениями – домовинами или намогильными домиками (то, что А. С. Ярцов называл «деревянными наподобие чуланчиков будками»).

Итак, некое кладбище занимало большую территорию в непосредственной близости от Петровской слободы. Есть основание предполагать, что это кладбище было старообрядческим. Во-первых, в документе упомянуты специфические некрокультовые сооружения, типичные для старообрядческой традиции. Во-вторых, судя по всему, на кладбище имелась старообрядческая часовня, построенная без благословения местного архиерея («без всякого дозволения»). Об этом кладбище в литературе, посвященной Петровской слободе, упоминаний почти нет. И. М. Мулло в пояснениях к плану Петровской слободы 1720-х годов называет его Зарецким православным кладбищем, перепутав берега реки Лососинки и отведя ему непомерно большую территорию [10: 66–67, 76]. А. М. Спиридонов вообще не упоминает о существовании этого кладбища [2: 67–117]. Единственное упоминание о нем имеется в работе Л. И. Капусты, которая определила упоминаемые А. С. Ярцовым «будки» как голбцы [13: 8]. Интересные упоминания о старообрядческом кладбище Петровской слободы имеются в неопубликованной работе В. П. Мегорского¹⁰ «Древнейшие петрозаводские кладбища»¹¹, написанной в 1930-е годы. Опираясь на данные петрозаводских краеведов второй половины XIX века и свидетельства старожилов, В. П. Мегорский пришел к выводу, что древнейшее кладбище Петрозаводска располагалось в районе Гостиного двора (сейчас это квартал между проспектом Карла Маркса и улицами Кирова и Куйбышева):

«От старожилов (П. В. Дмитриева¹²) мы слышали, что во время ремонта Гостиного двора под полом некоторых лавок находили кости погребенных здесь умерших. П. В. Дмитриев добавляет к этому со слов торговцев, владельцев лавок, что они испытывали некоторое смущение и неприятные переживания поздним вечером при мысли о том, что они сидят над покойниками. Кроме того

другие старожилы (К. Ф. Филимонов¹³) нам передавали, что при закладке фундамента дома граждан Тихоновых на углу бывшей Мариинской улицы, через дорогу от Гостиного двора, нашли и вывезли за город, если мы не ошибаемся, в 80-х или 90-х годах XIX столетия два ваза человеческих костей, очевидно, лиц, похороненных когда-то на этом месте, принадлежавшем вместе с погребениями в Гостином дворе к древнейшему, как бы казалось, петрозаводскому кладбищу¹⁴.

Эти сведения подтверждают существование вдоль левого берега Лососинки, к западу от Петровской слободы, кладбища, которое даже

в конце XIX века уже было заброшенным, а информация о нем – забытой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на западной окраине Петровской слободы в первые десятилетия ее существования возникло кладбище, которое по ряду признаков можно считать старообрядческим. Его существование позволяет говорить о большом вкладе старообрядческого населения в деятельность Петровского завода и в целом Петровской слободы в первой половине и середине XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о Выговской пустыни см.: [6], [14], [16], [17].

² Об этой поездке см.: [5].

³ Подробную сводку информации о роли выговцев в снабжении Петербурга зерном см.: [17: 144–150].

⁴ Ово (церковнославянское) – или, либо.

⁵ Определение Канцелярии Олонецких Петровских заводов о переводе на новое место кладбища в связи с начавшимся строительством жилых домов. 12 июня 1774 г. // Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. 1703–1802 / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. С. 167.

⁶ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 51–52. Современные представления об этих некрокультовых памятниках см.: [8], [9], [11].

⁷ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. С. 52.

⁸ Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 123–129.

⁹ Петрозаводск: 300 лет истории. Кн. 1. С. 32–33.

¹⁰ О нем см.: [7].

¹¹ Мегорский В. П. О древнейших петрозаводских кладбищах // Архив КарНЦ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–124.

¹² Дмитриев Кузьма Иванович (1863–1913) – педагог, в 1882 году окончил учительскую семинарию в Вытегре, в 1882–1902 годах был учителем министерской школы в селе Вохтозеро, в 1902 году переехал в Петрозаводск и до своей кончины был преподавателем ремесленного училища. Подробнее о нем см.: [4].

¹³ Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) – краевед и библиограф, в 1879 году окончил ОДС, был сельским учителем, в 1882 году вернулся в Петрозаводск, работал в Олонецком губернском статистическом комитете (1882–1903) и в Олонецком губернском управлении земледелия и государственных имуществ (1903–1919), в 1921 году создал при Центральной Карельской библиотеке краеведческое отделение и заведовал им в последние годы жизни, активно участвуя в краеведческом движении Карелии. Подробнее о нем см.: [12].

¹⁴ Мегорский В. П. О древнейших петрозаводских кладбищах. Л. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глаголева А. П. Олонецкие горные заводы в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 254 с.
2. Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 130 с.
3. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: В 2 т. / Сост. Г. М. Прохоров; Под ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. 688 с.
4. Инно Х. О. Кузьма Иванович Дмитриев // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 166–172.
5. Кротов П. А., Пашков А. М. К вопросу о дате основания Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 7–10.
6. Любомиров П. Г. Выговское общежитие: Исторический очерк. М.; Саратов: В. З. Яксанов, 1924. 138 с.
7. Мегорский В. П., Пашков А. М. Василий Петрович Мегорский как исследователь Петровской эпохи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 70–80.
8. Медведев П. П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья // Народное зодчество: Межвуз. сб. / Под ред. В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 85–103.
9. Медведев П. П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья (к вопросу о взаимосвязи поморской культуры и традиций старообрядчества) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. ст. и материалов / Под ред. А. М. Пашкова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–210.
10. Мулло И. М. Петровская слобода. Петрозаводск: Карелия, 1981. 80 с.
11. Орфинский В. П. Некрокультовые сооружения Российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество: Межвуз. сб. / Под ред. В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 49–83.
12. Островский А. Б., Чувьуров А. А. Памятники старообрядческой культуры, собранные Ф. А. Каликиным, в фондах Российского этнографического музея // Рябининские чтения – 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архитект. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2007. С. 96–99.
13. Пашков А. М. Филимонов Кузьма Филимонович (1855–1924) // Биографический словарь краеведов Олонецкой и Архангельской губернии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (дата обращения 27.06.2019).
14. Улицы и площади старого Петрозаводска / Под ред. А. М. Жульникова. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 56 с.
15. Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М.: Третий Рим, 2005. 377 с.

16. Шаскольский И. П. Экономическое развитие Карелии в первой половине и середине XVIII века // История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Макет / Под ред. Я. А. Брюсова. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1952. С. 353–435.
17. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / Науч. ред. Н. В. Поньрко. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 544 с.
18. Crummeу R. The Old Believers and The World of Antichrist: The Vyg Community and The Russian State, 1694–1855. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 258 p.

Поступила в редакцию 17.07.2019

Aleksandr M. Pashkov, Doctor of History, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

THE OLD BELIEVERS' CEMETERY IN PETROVSKAYA SLOBODA: THE EARLY HISTORY OF PETROZAVODSK

The article deals with a poorly studied problem of the Old Believers' impact on Peter the Great's foundries and a settlement founded near them, known as Petrovskaya Slododa (the settlement founded by Peter the Great) in the first decades of the XVIII century. The goal of the research is to demonstrate that the Old Believers were a considerable part of Petrovskaya Slododa permanent residents even at that time. It is evidenced by the information about the history of the oldest Petrovskaya Slododa cemeteries from historical sources and local historians' testimonies of the late XIX century. The conclusion is that during the first decades of the Petrine foundries existence two cemeteries were arranged near Petrovskaya Sloboda – one for the followers of the official Russian Orthodox Church and one for the Old Believers. The Old Believers' cemetery existed at the contemporary crossroads of Karl Marx Avenue, Kirova Street and Kuibysheva Street. It was abandoned by the middle of the XVIII century. But the very fact of its existence says that during the first decades of Petrovskaya Sloboda existence many Old Believers lived there. This fact helps to understand why in 1723 Petrovskaya Sloboda became the place for a famous event in the history of Old Belief – a public debate between the Russian Orthodox Church Holy Synod representative Hieromonk Neofit and the Vyg Old Believers' envoys Manuil Petrov and Ivan Matveev.

Keywords: Petrovskaya Sloboda, Old Belief, Old Believers' cemetery, Petrozavodsk

Cite this article as: Pashkov A. M. The Old Believers' cemetery in Petrovskaya Sloboda: the early history of Petrozavodsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.376

REFERENCES

1. Glagoleva A. P. Olonets foundries during the first quarter of the XVIII century. Moscow, 1957. 254 p. (In Russ.)
2. Zhul'nikov A. M., Spiridonov A. M. Antiquities of Petrozavodsk. Petrozavodsk, 2003. 130 p. (In Russ.)
3. Zen'kovsky S. A. Russian Old Belief. Vols. 1–2. (G. M. Prokhorov, Comp; V. V. Nekhotin, Ed.). Moscow, 2009. 688 p. (In Russ.)
4. Inno H. O. Kuz'ma Ivanovich Dmitriyev. *Kondopoga region in the history of Karelia and Russia: Proceedings of the III local history readings*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 166–172. (In Russ.)
5. Krotov P. A., Pashkov A. M. On the date of Petrozavodsk foundation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 5 (150). P. 7–10. (In Russ.)
6. Ljubomirov P. G. The Vyg Old Believers' Community: Historical essay. Moscow, Saratov, 1924. 138 p. (In Russ.)
7. Megorsky B. V., Pashkov A. M. Vasilii Petrovich Megorsky as the scholar of the Petrine period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 2 (179). P. 70–80. (In Russ.)
8. Medvedev P. P. Necro cult constructions of the White Sea shore (Pomorje). *Folk architecture: Collection of articles*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 1998. P. 85–103. (In Russ.)
9. Medvedev P. P. Necro cult constructions of the White Sea shore (Pomorje) (the interrelation of Pomor culture and Old Belief traditions). *The Vyg Community and its importance for the history of Russia. Collection of articles and materials*. (A. M. Pashkov, Ed.). St. Petersburg, 2003. P. 195–210. (In Russ.)
10. Mullo I. M. Petrovskaya Sloboda. Petrozavodsk, 1981. 80 p. (In Russ.)
11. Orfinsky V. P. Necro cult constructions of the Russian North in the context of Christian-pagan syncretism. *Folk architecture: Collection of articles*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 1998. P. 49–83. (In Russ.)
12. Ostrovsky A. B., Chuvjurov A. A. Monuments of the Old Believers' culture collected by A. F. Kalikin in the funds of the Russian Museum of Ethnography. *Ryabinin Readings 2007: Proceedings of the V scientific conference devoted to the study of the Russian North traditional culture*. Petrozavodsk, 2007. P. 96–99. (In Russ.)
13. Pashkov A. M. Filimonov Kuz'ma Filimonovich (1855–1924). *Biographical dictionary of the local scholars of Olonets and Arkhangelsk provinces*. Available at: http://ethnomap.karelia.ru/local_historian.shtml?id=140 (accessed 27.06.2019). (In Russ.)
14. Streets and squares of old Petrozavodsk. (A. M. Zhul'nikov, Ed.). Petrozavodsk, 2003. 56 p. (In Russ.)
15. Filippov I. The history of the Vyg Old Believers' Community. Moscow, 2005. 377 p. (In Russ.)
16. Shaskol'sky I. P. The economic development of Karelia during the first quarter and the middle of the XVIII century. The history of Karelia from the ancient times to the middle of the XVIII century. Draft copy. (Ya. A. Bryusov, Ed.). Petrozavodsk, 1952. P. 353–435 (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believers' Community: Spiritual life and literature. (N. V. Ponyrko, Ed.). Vol. 1. Moscow, 2002. 544 p. (In Russ.)
18. Crummeу R. The Old Believers and the world of Antichrist: The Vyg Community and the Russian state, 1694–1855. Madison, 1970. 258 p.

Received: 17 July, 2019